

Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству*

С. В. Мельник

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 51/21

Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата,
Российская Федерация, 115191, Москва, ул. Даниловский вал, 22

Межрелигиозный совет России,
Российская Федерация, 115191, Москва, ул. Даниловский вал, 22

Для цитирования: Мельник С. В. Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству // Вопросы теологии. Т. 1, № 3. С. 307–333.
<http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302>

В статье описываются четыре типа межрелигиозного диалога: «полемический», «миротворческий», «когнитивный» и «партнерский», строящиеся вокруг следующих вопросов: «Кто прав?», «Как нам мирно жить вместе?», «Кто ты?» и «Что мы можем сделать для улучшения мира?». Рассматривается место теологии в каждом из указанных типов межрелигиозного диалога. В условиях религиозного плюрализма, распространения новых религиозных движений, а также имеющей место тенденции к сближению религий теология не теряет значимости как инструмент защиты своей веры, аргументированного обоснования ее преимуществ. В контексте когнитивного диалога анализируется значение теологии в таких областях, как теология религий, формирование отношения к последователям других религий, компаративная теология, духовный диалог. Одна из главных стратегий миротворческого диалога заключается в выявлении сходств религиозных мировоззрений в догматике и этике. Выделяются три области сотрудничества религий в партнерском диалоге: «человек», «общество», «окружающая среда». Роль теологии состоит в выявлении возможных направлений и осмыслении концептуальных оснований для межрелигиозного сотрудничества. Особое внимание в статье уделяется анализу сотрудничества религий для утверждения в обществе традиционных нравственных и духовных ценностей. Автор приходит к выводу, что место теологии в сфере межрелигиозных отношений разнопланово и многообразно. Рассмотрение этой сложной проблемы требует конкретизации, дифференцированного подхода, т. е. прояснения роли теологии в различных типах межрелигиозного диалога — полемическом, миротворческом, когнитивном и партнерском, а также в их подвидах. Общая тенденция заключается в том, что при сохранении традиционной роли теологии для «защиты» своей веры (полемический диалог) все больше внимания начинает уделяться богослов-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00337 (тема: «Классификация форм межрелигиозного диалога»).

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2019
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2019

скому осмыслению того возможного позитивного вклада, который могут внести религии в жизнь общества в различных сферах и человечества в целом (партнерский диалог).

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, межрелигиозные отношения, религия, религиозный фактор, теология, инклюзивизм, компаративная теология.

1. Понятие межрелигиозного диалога

На протяжении всей истории человечества религия играла большую роль в жизни отдельных людей, обществ и цивилизаций. В конце XIX — начале XX в. широкое распространение получило представление, согласно которому религия должна естественным образом прийти в упадок и выродиться в условиях развития научной рациональности, технического прогресса и модернизации обществ. Однако сегодня можно с уверенностью говорить о том, что секулярная гипотеза оказалась ошибочной. Как констатирует известный американский социолог религии Питер Бергер, мир остается «таким же яростно религиозным, как был всегда, а в некоторых местах даже более, чем когда-либо еще»¹. Современность, утверждает этот ученый, породила не секуляризацию, а плюрализм, т. е. многообразие мировоззренческих и ценностных систем, сосуществующих в рамках одного общества. Мы являемся свидетелями формирования единого информационного пространства, создаваемого Интернетом и СМИ, развития электронных коммуникационных технологий, в том числе социальных сетей и мессенджеров, повышения степени мобильности человека. В этом контексте можно утверждать, что земной шар, по меткому выражению канадского философа М.Маклюэна, «сжался» до размеров «глобальной деревни». Современный мир, в котором религиозное сознание в его различных формах продолжает занимать значимое место, характеризуется беспрецедентно высокой степенью взаимозависимости и взаимосвязи. В этих условиях особую актуальность приобретает задача осмысления комплекса проблем, связанных с выстраиванием отношений между последователями разных религий, что обычно обозначается термином «межрелигиозный диалог».

Перед проведением анализа различных видов межрелигиозного диалога и определения возможного места в них теологии представляется полезным сделать несколько предварительных замечаний относительно семантики этого словосочетания. Этимологически термин «диалог» происходит от греческого слова «логос» (λόγος — «слово», «речь») и префикса диа- (διά — букв. «через»)². Вопреки расхожему заблуждению в этом слове

¹ Berger P. L. Desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics / ed. by P. L. Berger. Washington: Ethics and Public Policy Center, W. B. Eerdmans Publ. Co., 1999. P. 2.

² Moyaert M. Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations / eds D. Cheetham, D. Pratt, D. Thomas. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 205; Левонтина И. Б. Разговор, беседа, диалог // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян. М.: Русские словари, 1995. С. 415–423.

не содержится числительного «два» (греч. *δι* — «ди», *δύο* — «дуо»), поэтому использование термина «полилог», в котором подчеркивается участие в общении более чем двух лиц, оказывается излишним. Термин «диалог» за длительную историю своего существования приобрел множество различных коннотаций; например, в современном контексте под этим термином нередко понимается только «позитивный» вид коммуникации. В данной работе понятие диалога будет использоваться в буквальном, максимально широком смысле: в значении разговора, беседы, обмена высказываниями, любой формы коммуникации независимо от ее характера.

Отдельного комментария требует и слово «межрелигиозный», которое нередко отождествляют с понятием «межконфессиональный». Слово «конфессия» (лат. *confessio* — «исповедание») возникло в христианском ареале для обозначения различных деноминаций — католицизма, православия, лютеранства и др. Впоследствии этот термин начали иногда использовать для обозначения течений внутри других религий (суннизм, шиизм в исламе; тхеравада, махаяна, ваджраяна в буддизме и пр.), а также для религии в целом. В последнем значении термины «межрелигиозный» и «межконфессиональный» стали употребляться как синонимы. В представленной статье термином «межрелигиозный» будет обозначаться диалог между разными религиями, а не деноминациями внутри христианства («межконфессиональный диалог»), который имеет свою специфику и должен рассматриваться отдельно.

Понятие межрелигиозного диалога может употребляться в разных смыслах и контекстах, обозначая обширный спектр способов межрелигиозного взаимодействия. В общем, пользуясь словами В. К. Шохина, можно констатировать, что «и в понимании семантики “диалога религий”, и в осмыслении его задач царят неопределенность и неясность»³. Исследователь Т. Мерриган считает, что межрелигиозный диалог можно отнести к особому классу терминов, которые все используют, но никто не может объяснить, что это такое⁴. В данном контексте он пишет: «Диалог, возможно, является наиболее неясным (*ambiguous*) термином в лексиконе, формирующемся в связи с вызовом, который был брошен религиям глобализацией и плюрализмом. При попытке истолкования этого понятия возникает целый диапазон взаимосвязанных проблем, таких как конкретные цели диалога... условия диалога, темы, которые должны обсуждаться (или избегаться) в его процессе, критерии оценки успеха диалога и так далее»⁵. Здесь мы видим указание на отмечаемую многими исследователями главную проблему, возникающую при попытке описать межрелигиозный диалог; она заключается в том, что он является очень сложным, многоаспектным

³ Шохин В. К. Диалог религий: идеология и практика // Альфа и Омега. 1997. № 1(12). С. 281–295.

⁴ *The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue* / eds T. Merrigan, J. Friday. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2017.

⁵ *Ibid.* P. 2–3.

феноменом, который может реализовываться во множестве форм, и сама их типологизация представляет собой научную проблему⁶.

Ниже автор изложит разработанную им классификацию видов межрелигиозного диалога, после чего рассмотрит соотношение каждого из них с теологией.

2. Типы межрелигиозного диалога

Для описания межрелигиозного диалога автор предлагает использовать классификацию, в основе которой лежат четыре критерия:

- «*интенция*» — что является мотивацией к диалогу;
- «*цель*» — какие задачи ставят перед собой участники;
- «*принципы*» — какими принципами определяется взаимодействие;
- «*форма*» — кто участвует в диалоге, в какой форме выражается диалог.

Базовым для классификации выступает критерий «интенции», т.е. та мотивация, которая побуждает последователей разных религий вступать в отношения друг с другом. Следует сознавать, что религии как социальному институту свойственно стремление к собственному сохранению и распространению, а как особая мировоззренческо-ценностная система она утверждает свою исключительность и является органически целостной, самодостаточной. В связи с этим с точки зрения религиозного сознания возможные мотивации для вступления в контакт с представителями другой религии весьма ограничены, а их прояснение оказывается крайне важным для понимания характера и возможных задач межрелигиозного диалога. В соответствии с критерием интенции можно выделить четыре основных типа межрелигиозного диалога: «полемический», «миротворческий», «когнитивный» и «партнерский».

Все религии в той или иной степени утверждают исключительность своего основателя и священных текстов, считают последователей других духовных традиций так или иначе заблуждающимися; поэтому религии могут рассматриваться не просто как сосуществующие, но и как конкурирующие мировоззренческие системы. Вследствие этого «естественной» интенцией для контактов между последователями различных религий является попытка распространить или защитить свою веру. До современного этапа межрелигиозного диалога, начавшегося в конце XIX в., тип межрелигиозного взаимодействия, который предполагал споры, полемику, стремление доказать свою правоту, был преобладающим. История религий знает множество примеров такого полемического межрелигиозного диалога — как в форме соответствующих сочинений, так и в форме непосредственных встреч верующих.

⁶ Мельник С. В. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 87–118.

В XX в. все большее распространение получает установка на эмпатическое изучение разных культур и религий. Интенцией для межрелигиозного диалога в этом случае становится то, что можно обозначить в общем как «стремление к познанию». Это «познание» может пониматься как сократовское вопрошание, особый способ рассуждения или дискуссии, и как взаимодействие Я и Ты в контексте философии Мартина Бубера, где важны не столько обсуждаемые проблемы, сколько сам акт встречи. Такой «когнитивный» межрелигиозный диалог может исходить из стремления познакомиться с другими традициями; для кого-то это возможность поговорить об истине и смысле жизни, прояснить какие-то идеи и концепции разных религий, по-иному осмыслить собственную веру через призму других духовных традиций. Например, процесс исследования и осмысления других религий со стороны ряда видных католических деятелей нашел отражение в декларации «*Nostra aetate*» (1965), а также в других документах Второго Ватиканского собора, отразивших изменение отношения Католической церкви к нехристианским религиям.

Еще одним возможным стимулом для межрелигиозного диалога на современном этапе выступает осознание неизбежности сосуществования верующих разных религий и важности поддержания гармоничных взаимоотношений. Укрепление мира и согласия между последователями разных религий, предотвращение конфликтов между ними выступает содержанием миротворческого диалога. Например, в 1970 г. была создана крупнейшая межрелигиозная организация с характерным названием «Религии за мир» (*Religions for Peace*), штаб-квартира которой находится в здании ООН в Нью-Йорке⁷. Учитывая важность религиозного фактора, государственные и межгосударственные структуры оказываются заинтересованы в реализации различных миротворческих межрелигиозных инициатив. Так, даже в атеистическом СССР в 1951 г. на третьей Всесоюзной конференции сторонников мира состоялась первая встреча религиозных лидеров. Межрелигиозные миротворческие форумы проводились и в дальнейшем: в 1977 г. в Москве состоялась Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами», московская Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» 1982 г. собрала 590 делегатов из 90 стран. Практика проведения подобных международных межрелигиозных форумов, в ходе которых главы религиозных общин выражают свою солидарность в приверженности ценностям мира и дружбы между отдельными людьми и народами, распространена очень широко. После событий 11 сентября 2001 г. одной из центральных тем, обсуждающихся на межрелигиозных форумах, становится противодействие распространению экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами.

Еще одной возможной мотивацией для вступления в межрелигиозный диалог является осознание избытка человеческого страдания в мире.

⁷ Religions for Peace. <https://rfp.org/> (accessed: 08.08.2019).

Признавая свою ответственность и основываясь на общих для религиозного сознания ценностях, последователи разных духовных традиций в рамках партнерского диалога объединяют усилия в совместной деятельности с целью помощи нуждающимся людям, достижения желаемых социальных изменений. Партнерский диалог связан с диалогом миротворческим, поскольку предотвращение и урегулирование конфликтов может рассматриваться как одно из возможных направлений межрелигиозного сотрудничества. Вместе с тем партнерский диалог не ограничивается миротворчеством, поддержанием согласия между религиозными общинами, что можно рассматривать как отдельную, самостоятельную задачу. Партнерский диалог выстраивается вокруг практической деятельности в социальной, экономической, образовательной, экологической сферах. В качестве примера можно привести деятельность Межрелигиозной рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии в рамках Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ. Первое заседание Рабочей группы состоялось в апреле 2017 г.; в нем приняли участие представители различных деноминаций христианства, ислама, иудаизма и буддизма⁸. По итогам деятельности Рабочей группы 22 июня 2017 г. из Москвы в Латакию бортом Министерства обороны России была доставлена первая партия гуманитарной помощи жителям Сирии, собранная совместно российскими религиозными организациями⁹. В дальнейшем религиозные общины России продолжили эту работу по направлению в Сирию гуманитарной помощи на регулярной основе¹⁰.

В каждом из указанных типов диалога на основании остальных критериев (*цель, принципы, форма*) можно выделить различные виды. В рамках критерия *форма* полезно различать три «уровня» диалога: «высокий/институциональный», «низовой» и «экспертный/концептуальный». Институциональный уровень включает взаимодействие религиозных лидеров и официальных представителей религиозных общин. Одной из основных характеристик диалога здесь является то, что он осуществляется на институциональном уровне, т. е. участники вступают в него именно как представители своих религиозных организаций. «Низовому» (grassroots)

⁸ Состоялось заседание межрелигиозной Рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи Сирии. <https://mospat.ru/ru/2017/04/12/news144542/> (дата обращения: 08.08.2019).

⁹ В Сирию отправлена первая партия совместной помощи от российских религиозных организаций. <https://mospat.ru/ru/2017/06/23/news147833/> (дата обращения: 08.08.2019). Святейший Патриарх Кирилл благословил московские приходы направить средства, сэкономленные на покупке цветов ко дню тезоименитства Его Святейшества, в поддержку пострадавшим жителям Сирии. <https://mospat.ru/ru/2017/05/18/news146108/> (дата обращения: 08.08.2019).

¹⁰ См. напр.: Делегация во главе с митрополитом Волоколамским Иларионом передала гуманитарную помощь в детский интернат в Сирии. <https://mospat.ru/ru/2018/11/18/news166781/> (дата обращения: 08.08.2019). Завершилась межрелигиозная гуманитарная акция в Сирии и Ливане, ставшая беспрецедентной по объему переданной помощи. <https://mospat.ru/ru/2018/02/09/news156494/> (дата обращения: 08.08.2019).

уровню соответствует межрелигиозное взаимодействие мирян, молодежи, отдельных представителей духовенства, деятельность общественных организаций, занимающихся межрелигиозной проблематикой.

Феномен межрелигиозного диалога, кроме непосредственных встреч верующих, включает в себя также и «теоретическое измерение». Этот важный и неотъемлемый аспект межрелигиозного диалога можно обозначить как «концептуальный» уровень диалога. С каждым из рассмотренных типов диалога — полемическим, когнитивным, миротворческим и партнерским — можно соотнести вопрос, вокруг которого они выстраиваются: «Кто прав?», «Кто ты?», «Как нам мирно жить вместе?» и «Что мы можем сделать для улучшения мира?» (см. табл.). Осмысление различных проблем, связанных с поиском ответов на указанные вопросы, и является той нишей, которую может занять теология. Рассмотрим эту тему более подробно.

Таблица. Типы межрелигиозного диалога

ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ <i>Кто прав?</i>	
<i>Современный этап межрелигиозного диалога</i>	
КОГНИТИВНЫЙ ДИАЛОГ <i>Кто ты?</i>	
МИРОТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ <i>Как нам мирно жить вместе?</i>	ПАРТНЕРСКИЙ ДИАЛОГ <i>Что мы можем сделать для улучшения мира?</i>

3. Теология и полемический диалог

Один из проблемных аспектов межрелигиозных отношений заключается в том, что религии представляют собой различные, во многом противоречащие друг другу мировоззренческие системы. При этом каждая из них претендует на то, что ее основанием является так или иначе понимаемое сверхъестественное, божественный авторитет, истинность которого не должна подвергаться сомнению. В своем историческом бытии религии возникали в той или иной связи с другими духовными традициями, причем по отношению к ним утверждали свое превосходство. Мотивация к распространению своей религии, увеличению числа ее последователей во многом является «естественной» для верующего человека. Однако при встрече с адептами других религиозных традиций это стремление наталкивается на сопротивление, вследствие чего могут возникать острые споры об истинности и спасительности разных вер. Конечной целью полемического диалога является прозелитизм, т. е. стремление к тому, чтобы оппонент и все слушатели диспута с противоположной стороны признали ошибочность своих убеждений, осознали предпочтительность другой религии и обратились в нее.

Основные *принципы* выстраивания полемического диалога заключаются в том, что, во-первых, его базовой предпосылкой служит представление об исключительности каждой религии, а также о ее превосходстве над всеми другими. Во-вторых, конкретное содержание и аргументация полемического диалога непосредственно связана с тем, между представителями каких именно религий идет дискуссия. Существуют определенные темы или «проблемные точки», которые затрагиваются в дебатах представителей разных религий, а также устойчивые стратегии построения аргументации и контраргументации, которые могут воспроизводиться на протяжении веков фактически без изменений. В частности, христианские апологеты часто отвечали на возражения иудеев и мусульман, связанные с такими вопросами, как Единство и Троичность Бога, возможность Боговоплощения, обязательность обрезания, мнимое сходство иконопочитания с идолопоклонством, значение монашества¹¹. Например, христиан часто обвиняли в том, что они почитают иконы как неких идолов, наделенных особой силой; в ответ на это христиане указывали, что они поклоняются не дереву и краске, а тому, кто на иконе изображен, и пр.

Полемический диалог может находить выражение как в *форме* дебатов верующих в ходе непосредственных встреч, так и в форме специальных сочинений. Во втором случае можно выделить несколько «жанров»: описание диалога, «обличительное богословие», апологетика. Например, христианский святой II в. Иустин Философ написал труд «Диалог с Трифоном Иудеем», где описывается полемика с эленизированным иудеем об истинности христианства. В первой части дискуссии рассматривается вопрос о роли Закона Моисея, во второй — о природе Иисуса Христа, в третьей — о спасении язычников. Для подтверждения своих высказываний авторы приводят многочисленные цитаты из Библии. В 1263 г. в Барселоне в присутствии короля Якоба I состоялся межрелигиозный диспут между выкрестом из евреев, доминиканским монахом Пабло Христиани, и известным раввином Моше бен Нахманом (РаМБаНом), который был признан «победителем»¹². В ходе диспута обсуждались две основные темы: пришел ли уже мессия, как верят христиане, или придет в будущем, как считают иудеи, и является ли мессия Богом или обычным человеком, рожденным от отца и матери.

Очевидно, что полемический диалог не способствует сближению людей, а скорее наоборот, предполагает желание «победить» оппонента любой ценой, провоцирует конфронтацию и вражду. В связи с этим на современном этапе диалог между официальными представителями религиозных общин, как правило, предполагает отказ от прозелитизма и вообще от обсуждения каких-либо догматических тем, тем более противоречий. Среди западных специалистов в области межрелигиозного диалога широко распространено мнение, что модель полемического диалога ушла в про-

¹¹ Madigan D. Christian-Muslim dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue / ed. by C. Cornille. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2013. P. 247–249.

¹² Диспут Нахманида / пер., комментарии и послесловие Б. Хаскевича. М.: Книжники, 2008.

шное; она практически не встречается в современной практике межрелигиозных отношений. Однако данный тезис представляется спорным. Это утверждение справедливо лишь для межрелигиозного диалога официальных лиц, который во многом носит дипломатический характер. Для мирян, богословов, вообще для любого мыслящего верующего человека тема истинности своей религии, обоснованности ее воззрений в условиях многообразия различных религиозных традиций и форм религиозного опыта не теряет, да и не может потерять своей актуальности.

При взаимодействии с представителями другой религии на бытовом, неформальном уровне нередко возникают дискуссии на темы вероучения, носящие хотя и в мягкой форме, но все же полемический характер. Например, в Кении получил распространение феномен, называемый «уличными дебатами», в которых последователи христианства и ислама спорят на догматические темы.

Одним из примеров межрелигиозной полемики среди экспертов могут служить на современном этапе дебаты с мусульманами на такие темы, как «Библия или Коран является откровением Бога?»; их организовывал православный священник Даниил Сысоев, убитый в 2009 г. Изложение и актуализация апологетической позиции Святых Отцов по отношению к исламу нашли отражение в работах священника Г. Максимова¹³. Полемический богословский характер в области мусульманско-христианского диалога носят работы принявшего ислам православного священника Али Вячеслава Полосина¹⁴.

По мнению православного богослова А. И. Осипова, в условиях религиозного плюрализма весьма актуальна формулировка объективных аргументов истинности христианской веры, чему был посвящен ряд его работ и лекций¹⁵. Сегодня перед православными богословами возникают вызовы, связанные с распространением новых религиозных движений (например, кришнаитов или рериховского движения)¹⁶. Защищать свою веру нередко приходится и в контексте имеющей место тенденции к сближению религий, к распространению представлений о несущественности различий между ними. Примером здесь может служить работа православного иеромонаха Серафима (Роуза) «Православие и религия будущего»¹⁷.

¹³ См. напр.: Византийские сочинения об исламе: (тексты переводов и комментарии) / пер. с греч. Ю. В. Максимов, Е. П. Ореханова; под ред. Ю. В. Максимова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.

¹⁴ См. напр.: Полосин А.-В. С.: 1) Почему я стал мусульманином. Прямой путь к Богу. М.: Прямой путь, 2004; 2) Евангелие глазами мусульманина. Два взгляда на одну историю. М.: Умма, 2006. 352 с.

¹⁵ Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014.

¹⁶ Например, большое внимание православному пониманию теософии в смысле Е. Блаватской и дискуссиям с последователями рериховского движения уделял диакон А. В. Кураев.

¹⁷ Серафим (Роуз), иером. Православие и религия будущего. М.: Русский Паломникъ, 2006.

Таким образом, в контексте полемиического диалога теология не теряет своей значимости как инструмент для защиты своей веры, аргументированного обоснования ее преимуществ.

4. Теология и когнитивный диалог

Теология религий

Одна из базовых возможных *задач* когнитивного диалога состоит в том, чтобы осмыслить соотношение собственной веры и других религий с точки зрения их истинности и спасительности. Согласно традиционной религиоведческой классификации, существуют четыре основные позиции по этому вопросу, которые в терминологии рассматриваемой классификации отражают критерий *принципы*: эксклюзивизм, инклюзивизм, плюрализм (суперэкуменизм) и «культурно-лингвистический подход». Подход эксклюзивизма предполагает, что лишь одна религия содержит истину и только в ней возможно спасение. Согласно позиции инклюзивизма, одна религия обладает полнотой истины, а остальные лишь ее частями; последователи других традиций также имеют шансы на спасение, хотя и меньшие, чем в наиболее совершенной религии. В рамках модели плюрализма считается, что разные религиозные учения, при многообразии внешних форм, содержат в себе одну и ту же духовную суть. В соответствии с культурно-лингвистическим подходом, предложенным в рамках постлиберальной теологии Дж. Линбеком, каждую религию следует рассматривать как самобытный, отдельный от других феномен. Та или иная религия может быть понята только «изнутри», исходя из ее собственной «культурной и лингвистической грамматики», и вообще неправомерно сопоставлять религии между собой. Модели теологии религий находят выражение в *форме* концепций богословов.

Христианство на протяжении своей истории не сделало категорического выбора между эксклюзивностью и инклюзивностью, аргументы в пользу обеих позиций можно найти в Библии, обе они на протяжении истории Церкви поддерживались авторитетными богословами. В XX в. сторонник концепции эксклюзивизма протестантский теолог Карл Барт (1886–1968) говорит о спасительности только христианства, различая при этом понятия «вера» (христианское откровение и особый дар Бога, дающий возможность его воспринять) и «религия». Последняя понимается им как присутствующие во всех культурах представления о Высшем существе (или существах) и необходимости поклонения им; при этом в основе религии лежат попытки человека собственными силами возвыситься до понимания Бога, разработка с этой целью догматических концепций, участие в ритуалах. Такая парадигма, считал К. Барт, является не только основой нехристианских религий, но и распространенной формой существования исторического христианства, в котором утасла живая евангельская вера.

Один из наиболее известных инклюзивистских подходов к осмыслению феномена многообразия религий — концепция «анонимного христианства» католического немецкого теолога Карла Ранера (1904–1984). Этот богослов опирался на ту идею, что, поскольку «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:16), Он желает спасения всем людям и не может подвергнуть нехристианскую часть мира гибели. К. Ранер считал, что нехристианские религии содержат не только элементы естественного познания Бога, хотя и смешанные с заблуждениями, но и сверхъестественные аспекты благодати, дарованные человеку Богом ради Христа, что позволяет говорить о благочестивых верующих других религий как об «анонимных христианах». При этом К. Ранер признавал, что максимальное и абсолютное Откровение содержится только в христианстве, поэтому состояние «анонимного христианства» можно рассматривать как временное и относительное.

Глубокий подход к соотношению разных религий, носящий инклюзивистский характер, разработал католический священник и богослов Р. Паниккар (1918–2010). В соответствии с предложенной Р. Паниккаром концепцией «космотеандризма» (от греч. слов «космос», «Бог», «человек»), все элементы реальности индивидуальны, не сводимы друг к другу, и в то же время взаимосвязаны, находятся во взаимодействии и взаимопроникновении (*perichoresis*) друг с другом. «Бог (или божественное), люди и природа соединены нерасторжимой взаимосвязью симбиоза»¹⁸; при этом каждая сущность является не только частью, но и образом Целого. Ни один индивидуум или религия не могут исчерпать полноты подходов к описанию реальности и претендовать на то, что они обладают единственно истинной, глобальной точкой обзора¹⁹. Вообще говоря, инклюзивистский подход преобладает в официальных документах католической церкви начиная со Второго Ватиканского собора (1962–1965), что нашло выражение в принятой собором знаменитой декларации «*Nostra aetate*» («В наше время», лат.), посвященной отношению к нехристианским религиям.

Главным апологетом концепции религиозного плюрализма считается американский религиовед Джон Хик (1922–2012). Согласно Дж. Хику, все религии направлены на познание одной и той же Высшей Реальности, которая непостижима и не может быть выражена одним способом. Все религии, включая христианство, служат одному Абсолюту (Богу) и устремлены к Нему; однако в силу трансцендентности Высшей Реальности, ее невыразимости в ограниченных человеческих словах и образах, интерпретируют ее по-разному, чем и определяется различие между религиями. Суть любой религии, по Хику, заключается в переходе «от *self-centredness* (сконцентрированности на себе), экзистенции ветхого Адама, к *reality-centredness* (сконцентрированности на Реальности) как экзистенции нового человека, т. е. выхода из собственного “Я” и распространении на Абсолют и “Ты”

¹⁸ Далмайр Ф. Секулярный век? Размышления о Чарльзе Тэйлоре и Раймоне Паниккаре // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 77–90.

¹⁹ Р. Паниккар о встрече религий. Компиляция и пер. М. Демченко. <http://baznica.info/article/o-vstreche-religii/> (дата обращения: 08.08.2019).

ближнего»²⁰. По мнению Дж.Хика, религиозные традиции представляют собой обусловленные различными типами человеческого сознания и культур цветные «линзы», через которые проходит и по-разному преломляется один и тот же свет единой Истинной Реальности, и ни одна из них не должна считать себя принципиально «лучше» прочих²¹.

По различным проблемам, связанным с моделями теологии религий, среди богословов велись и ведутся непрерывные дискуссии.

Отношение к другим религиям

Еще одной *задачей* когнитивного диалога является определение позиции относительно того, как следует воспринимать последователей других религий и вести себя с ними. Основой для формулирования *принципов* отношений с иноверцами выступают как священные писания, догматика, так и историко-культурный контекст той или иной религиозной общины. Очевидно, что многие нормы, как, например, одиннадцатое правило шестого Вселенского собора о запрете мыться в бане с иудеем²², в современных условиях теряют свою актуальность. У Русской православной церкви до сих пор нет общецерковного документа об отношении к другим религиям и возможных направлениях диалога с ними, в разработке которого могли бы быть полезны теологи.

В современной теологии существует любопытное направление, связанное с разработкой богословских концепций, которыми должно определяться отношение к верующим других религий. Речь идет не просто о формировании норм и принципов поведения, некоего этоса, а скорее об умозрительной, теологической рефлексии. Для описания таких подходов иногда используется термин «теология межрелигиозного диалога», хотя он еще не получил широкого распространения в научной литературе; нет также консенсуса и относительно предмета, методологии, границ этой дисциплины²³. В качестве примера здесь можно привести концепции ряда современных православных, католических и протестантских теологов (И. Зизиуласа, Р. Панникара, Д. Моэ и др.), которые осмысливали значение христианского представления о Боге-Троице для развития конструктивного межрелигиозного диалога. Так, единосущие Ипостасей Троицы и отношения «перихорезиса» (взаимопроникновения и любви между Лицами

²⁰ Цит. по: Ратцингер Й. Вера. Истина. Толерантность. Христианство и мировые религии. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. С. 186–187.

²¹ Шохин В. К. Диалог религий: идеология и практика. С. 281–295.

²² Шестой Вселенский Собор: 11-е правило. <http://www.ortho-hetero.ru/tradition/132> (дата обращения: 08.08. 2019).

²³ Об этом свидетельствует, например, вышедший в 2017 г. в Оксфордском университете сборник статей «The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue». Многие работы описывают католическую теологию религий, некоторые находятся в рамках сравнительного религиоведения и компаративной теологии, истории и философии религии, в связи с чем непонятно, почему большинство статей были изданы в сборнике под таким заглавием.

Отца, Сына и Святого Духа) могут, по мнению некоторых богословов, учить тому, что все люди равны по природе и призваны находиться в общении друг с другом. Из принципа «кенозиса», т. е. самоотречения, умаления, может следовать, что христиане должны не силой навязывать свою религию другим людям, но скорее быть готовыми пригласить их в мир своей веры и в нем явить себя гостеприимными хозяевами, и пр.²⁴

Компаративная теология

Знакомство с религиями может осуществляться не только в ходе общения с верующими других духовных традиций, но и самостоятельно, посредством чтения сакральных текстов. Различные проблемы, связанные с изучением верующим человеком других религий, были концептуализированы в дисциплине «компаративная теология». Компаративная теология — это новое исследовательское направление в рамках христианской теологии, основоположником которого является американский католический священник и индолог Френсис Клуни²⁵.

Ф. Клуни рассматривает компаративную теологию как «внутренний (interior) межрелигиозный диалог», в котором «другой» представлен текстом, а не живым собеседником. Компаративная теология занимается сравнительным изучением религий, а также формулированием и решением с богословских позиций тех вопросов, которые возникают в процессе этого «симпатического» исследования. При этом компаративная теология представляет собой не просто метод сравнения религий и нахождения параллелей между ними, но и практику переосмысления различных аспектов собственной веры в результате изучения других духовных традиций. Компаративную теологию можно понимать в трех аспектах: как сравнение богословских систем разных традиций; как постановку и решение теологических вопросов — в сравнительном контексте — на сугубо богословских основаниях; как новую, «творческую» (constructive) теологию, которая рождается после сравнительного анализа богословия разных религий²⁶.

Основной *принцип* компаративной теологии — эмпатическое исследование другой религии, т. е. стремление понять внутреннюю методологию и герменевтику, присущие самим изучаемым духовным традициям,

²⁴ Хромцова М. Ю. Тринитарный подход современного богословия и проблема межрелигиозного диалога // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 2. С. 74–86; Moe D. From a Trinitarian Theology of Religion to a Trinitarian Theology of Religions: Bridging “First Theology” and “Second Theology” // The Expository Times. 2018. Vol. 130, iss. 7. P. 1–20; Payne D. P. Towards an Orthodox Understanding of Religious Freedom: An Exploration of the Theological Resources for Engaging Religious Pluralism // Journal of Church and State. 2017. Vol. 59, iss. 4. P. 608–625.

²⁵ Clooney F. X. Comparative theology and inter-religious dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue / ed. by C. Cornille. Chichester: John Wiley & Sons Ltd. P. 51–63.

²⁶ Clooney F. X. The emerging field of comparative theology: a bibliographical review (1989–95) // Theological Studies. 1995. Vol. 56, iss. 3. P. 521–550.

а не пытаться интерпретировать и объяснять их в контексте той или иной исследовательской парадигмы. В последнее время ряд специалистов указывали на перспективность использования в компаративной теологии принципов философской герменевтики, разрабатывавшихся Х. Г. Гадамером и П. Рикером²⁷.

Компаративная теология находит выражение в *форме* исследовательских работ, предмет которых — сравнительное изучение в разных религиях широчайшего круга тем, таких как представления о Боге, святости, благодати, откровении, посмертной жизни и пр.²⁸ Например, автор этой статьи занимался сравнительным исследованием духовных практик православия и хасидизма Хабад (одного из направлений в иудаизме), что было обозначено мной как «личностная модель межрелигиозного диалога»²⁹.

Духовный диалог

В документе 1991 г. «Диалог и прокламация» Папский совет по межрелигиозному диалогу (Pontifical Council for Interreligious Dialogue) описал несколько форм межрелигиозных отношений, в которых предлагалось участвовать католикам. Одной из них является «духовный диалог» (dialogue of spirituality, spiritual dialogue), или «диалог религиозного опыта» (dialogue of religious experience), в рамках которого лица, укорененные в своих традициях, делятся своими духовными богатствами, например, в отношении молитвы и медитации, веры и способов поиска Бога или Абсолюта³⁰. В духовный диалог участники должны вовлечь свое «сердце», чтобы не только рационально понять, но и попытаться «изнутри» оценить и даже до некоторой степени разделить духовный опыт другой религии³¹.

Цель такого диалога обозначается как «взаимное обогащение», «духовный и личностный рост» участников. Исследователь К. Корнилл поставила проблеме осмысления принципов такого диалога отдельную монографию и выделила следующие «добродетели (virtues) диалога»: «скромность» (признание возможности изменения собственных представлений

²⁷ Hedges P. Comparative Theology and Hermeneutics: A Gadamerian Approach to Interreligious Interpretation // Religions. 2016. Vol. 7, no. 7. P. 1–20; Moyaert M. Ricoeur and the wager of interreligious ritual participation // International Journal of Philosophy and Theology. 2017. Vol. 78, no. 3. P. 173–199.

²⁸ См. напр.: Byrne M. The Names of God in Judaism, Christianity, and Islam: Basis for Interfaith Dialogue. London; New York: Continuum, 2011.

²⁹ Мельник С. В. Православие и хасидизм Хабад: Личностная модель межрелигиозного диалога. М.: РАН. ИНИОН, 2017.

³⁰ Dialogue and Proclamation. Reflection and Orientations on Interreligious Dialogue and the Proclamation of the Gospel of Jesus Christ (document of Pontifical Council for Interreligious Dialogue, 1991). https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interrelg/documents/rc_pc_interelg_doc_19051991_dialogue-and-proclamatio_en.html (accessed: 08.08.2019).

³¹ Knitter P. F. Inter-religious dialogue and social action // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue / ed. by C. Cornille. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2013. P. 117–132.

и «возрастания в понимании истины» посредством знакомства с религией партнера), «верность» (приверженность своей религии), «убежденность во взаимосвязи» (признание универсальной ценности религиозных учений), «эмпатия» (умение войти в «резонанс» с другой религией, «почувствовать» ее), «гостеприимство»³².

В 1978 г. Католическая церковь создала специальные Комиссии по монашескому межрелигиозному диалогу (*commissions for monastic inter-religious dialogue*) в Бельгии и США, которые существенно способствовали развитию диалога католицизма с религиями Азии. Одной из главных инициатив комиссий стал проект «Духовные обмены Востока и Запада» (*East-West Spiritual Exchanges*), в котором группы католических и дзен-буддистских монахов на протяжении определенного периода времени жили в монастырях друг друга. В рамках первой из этих встреч, прошедшей в 1979 г., когда буддистские монахи из Японии проживали в христианских монастырях Европы, был организован симпозиум на тему «Монах как универсальный архетип». При второй встрече в 1984 г. католические монахи жили в дзенских монастырях Японии. После третьей встречи, которая состоялась в 1987 г., папа Иоанн Павел II удостоил участников, среди которых было 40 японских монахов, личной аудиенции³³.

Примером духовного католическо-буддистского диалога также могут служить так называемые «Гефсиманские встречи» (*Gethsemani Encounter*), первая из которых прошла в 1996 г. в Гефсиманском аббатстве, в одном из траппистских католических монастырей в штате Кентукки (США). По мнению участников «Гефсиманской встречи», монашеские техники молитвы и медитации в конечном счете приводят христиан и буддистов к схожему опыту Абсолютной реальности, которая лишь именуется ими по-разному и при этом трансцендирует любые дефиниции. В контексте невыразимого опыта этой высшей реальности, которую в христианстве принято описывать в форме апофатического богословия, все субъект-объектные и концептуальные различия теряют свое значение³⁴.

Очевидно, что такой «духовный диалог» порождает множество проблем, требующих богословского анализа. Важным является вопрос о самой допустимости столь тесного знакомства с другой религией, которое доходит до участия в ее ритуалах, и его полезности для верующих.

4. Теология и миротворческий диалог

Ряд принципов, связанных с осмыслением соотношения религии и миротворчества, был сформулирован в фундаментальной работе американского специалиста С. Эпплеби «Амбивалентность священного: рели-

³² Cornille C. *The Im-possibility of interreligious dialogue*. New York: The Crossroad Publishing Company, 2008.

³³ Bethune P.-F. *Monastic inter-religious dialogue* // *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue* / ed. by C. Cornille. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2013. P. 40.

³⁴ Ingram P. O. *Christian-Buddhist dialogue* // *Ibid.* P. 388–389.

гия, насилие и примирение»³⁵. Основной вывод книги заключается в том, что в зависимости от широкого спектра разных факторов и обстоятельств религия может выступать и как движущая сила конфликта, и как мощный и эффективный инструмент созидания мира. Сегодня ощущается потребность в разработке того, что можно условно обозначить как «теологию мира», т. е. обоснование — с богословских позиций — стремления к согласию, взаимному уважению между отдельными людьми, народами, религиями и цивилизациями. Это позволит достичь того, что в области социальных отношений религия, обладающая огромным миротворческим потенциалом, будет не частью проблемы, а частью ее решения.

Одна из главных стратегий в миротворческом диалоге заключается в выявлении и подчеркивании сходств религиозных мировоззрений. В контексте диалога христианства и ислама показательным примером служит работа М. Борманса «Две религии: общие доктринальные основания и точки соприкосновения в различных общественных сферах». М. Борманс рассматривает такие положения «общего духовного достояния христиан и мусульман», как вера в Единого Бога, Который сотворил мир, сходные представления о Его свойствах (любящий людей, милующий и прощающий их, достойный хвалы), Откровение, дающееся через пророков, необходимость подчинения данным Творцом заповедям, посмертный суд, загробное воздаяние (рай и ад)³⁶.

Нередко особое внимание уделяется попыткам сблизить религии на основе сходства этических представлений. Наиболее известный подход в этой области — проект «глобального этоса» Ганса Кюнга (род. 1928). Важнейший принцип «мирового этоса» составляет требование, чтобы «с каждым человеческим существом обращались по-человечески», признавая «неотчуждаемое и неприкосновенное достоинство» всех людей. Еще один принцип соответствует Золотому правилу нравственности: «Не делай другим того, чего не желаешь себе»³⁷.

В качестве примера рассматриваемой стратегии миротворческого межрелигиозного диалога, направленной на выявление сходств, можно также привести открытое письмо 2007 г. «Общее слово для нас и вас» («A Common Word between Us and You»), которое подписали и направили к лидерам христианства 138 мусульманских ученых и религиозных деяте-

³⁵ *Appleby S.* The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000.

³⁶ *Борманс М.* Две религии: общие доктринальные основания и точки соприкосновения в различных общественных сферах // Христиане и мусульмане: проблемы диалога / сост. А. В. Журавский. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000. С. 533–611.

³⁷ *Середкина Е. В.* «Мировой этос» Г. Кюнга и современное конфуцианство в диалоге культур. <http://anthropology.ru/ru/text/seredkina-ev/mirovoy-etos-g-kyunga-i-sovremennoe-konfucianstvo-v-dialoge-kultur> (дата обращения: 08.08. 2019); Декларация Всемирного этоса / пер. Е. В. Середкина. <http://anthropology.ru/ru/text/dokumenty/deklaraciya-mirovogotosa> (дата обращения: 08.08. 2019); Global Ethic Foundation. <https://www.global-ethic.org/> (accessed: 08.08. 2019).

лей. Мир и взаимное уважение, по мнению авторов письма, могут основываться на осознании близости христианства и ислама, выражающейся в особой важности для обеих религий заповедей «любви к Богу» и «любви к ближнему». В письме говорится: «Основа для взаимопонимания уже существует. Это часть фундаментальных принципов обеих религий — любовь к Единому Богу и любовь к ближнему. Эти принципы мы встречаем снова и снова в священных текстах Ислама и Христианства. Единство Творца, необходимость любви к Нему, необходимость любви к ближнему — вот общая почва между Исламом и Христианством»³⁸. Далее в письме приводятся цитаты из Библии и Корана, подтверждающие особую значимость заповедей о любви к Богу и ближнему в обеих религиозных традициях.

Сегодня, в контексте поисков места теологии в миротворческом диалоге, особенно актуален анализ феномена экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами. Религиозные лидеры России отмечали, что считают неуместным использование в данном случае термина «религиозный терроризм», поскольку ни одна религия не учит убивать ни в чем не повинных людей. Идеологию террористов нельзя отождествлять с какой-либо религией, поэтому следует говорить о псевдорелигиозном экстремизме и терроризме³⁹. Очевидно, что обоснование с богословских позиций несостоятельности, ложности взглядов экстремистов, эксплуатирующих религиозную риторику и религиозные чувства людей для достижения своих целей, представляет собой злободневную и важную задачу.

Один из вопросов, связанных с миротворческим диалогом, заключается в том, как представление религий о собственной исключительности связано с возможностью выстраивания уважительных, гармоничных взаимоотношений. Бывший президент Казахстана Н. А. Назарбаев, выступая в 2006 г. на II Съезде лидеров мировых и традиционных религий в Астане и рассуждая о «принципе ненасилия» в религиозной сфере, сказал: «Когда религиозные деятели совершенно серьезно рассуждают о преимуществах одной религии над другой, то становится ясным, что конфликт закладывается изначально»⁴⁰. Реагируя на подобные широко распространенные идеи, Й. Ратцингер (папа Бенедикт XVI) отмечал, что «представление о конечной эквивалентности всех религий преподносится ныне как заповедь толерантности и уважения к другому»⁴¹. Христианин, считает бывший папа Римский, «обязан противостоять подобной идеологии равенства»⁴², он не может отказаться от

³⁸ Общее между нами и вами. <http://www.elbrusoid.org/articles/religion/360073/> (дата обращения: 08.08.2019).

³⁹ См. напр.: Заявление Межрелигиозного совета России в связи с захватом заложников в Москве (2002). http://interreligious.ru/documents/documents_52.html (дата обращения: 08.08.2019).

⁴⁰ Выступление Президента РК Н. А. Назарбаева на II Съезде лидеров мировых и традиционных религий в Астане. <http://www.mckr.kz/ru/congress/ii-/532-2012-07-26-18-36-42> (дата обращения: 08.08.2019).

⁴¹ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Вера. Истина. Толерантность. Христианство и мировые религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 163.

⁴² Там же. С. 163.

«дерзости» утверждать, что ему известна высшая истина, явленная во Христе, и стремится поделиться ею с другими. Вместе с тем краеугольный принцип «Бог есть любовь» (1 Ин 4:8) «представляет собой высшую гарантию толерантности»⁴³: ведь истина требует от христианина не просто терпимости, а любви к ближнему. То есть крайне важно с богословских позиций показать, что различия в религиозных убеждениях и твердая приверженность своей вере не должны приводить к антагонизму и вражде.

Приведенное высказывание Н. А. Назарбаева отражает существующую тенденцию к конвергенции религий, к некоторому нивелированию различий между ними под предлогом или, лучше сказать, под знаменами стремления к миру. В регламент межрелигиозных форумов все чаще входит практика совместной молитвы верующих разных религий за мир. Например, в программе X Ассамблеи организации «Религии за мир», состоявшейся 20–23 августа 2019 г. в немецком городе Линдау, утром каждого дня проводились пятнадцатиминутная «совместная мультирелигиозная молитва и медитация» («Joint Multi-Religious Prayer and Meditation»), а перед церемонией открытия мероприятия была проведена «Мультирелигиозная молитва детей». По мнению Й. Ратцингера (папы Бенедикта XVI), следует различать межрелигиозную и мультирелигиозную молитву. Межрелигиозная молитва означает одновременную общую молитву верующих на темы, характерные для обычной молитвы: славословие, благодарение, различные прошения (в том числе об укреплении мира, о разрешении конфликтов и пр.). Мультирелигиозная молитва совершается верующими в симпатическом присутствии представителей других религий, но в соответствии с правилами своей традиции. То есть в данном случае верующие находятся вместе, но каждый молится своему Богу, или иначе понимаемой сверхъестественной силе. Подобные практики совместных молитв также требуют богословской оценки.

5. Теология и партнерский диалог

Как уже отмечалось, партнерский диалог выражается в сотрудничестве верующих разных религий в сферах, представляющих общий интерес. Можно выделить три таких основных области для сотрудничества: «человек», «общество», «окружающая среда».

Первая сфера включает помощь конкретным группам нуждающихся людей. Выше приводился пример деятельности межрелигиозной группы по оказанию гуманитарной помощи жителям Сирии. Или, например, в Москве представителями разных религий проводились совместные акции сдачи донорской крови⁴⁴.

Второе направление предполагает вклад религий в дело построения справедливых и гармоничных обществ. В рамках этой сферы может обсуждаться широкий круг вопросов, таких как место религии в публичном

⁴³ Там же. С. 325.

⁴⁴ В День донора верующие Москвы провели межконфессиональную акцию по сдаче крови. <https://www.mos.ru/news/item/39368073/> (дата обращения: 08.08.2019).

пространстве, права и свободы человека, преодоление социального неравенства, расизм. Например, отдельное внимание в современной практике межрелигиозных отношений уделяется вопросам гендерного равенства. Феминистская исследовательница Дж. Х. Флетчер рассматривает особенности межрелигиозного диалога среди женщин и говорит, в частности, об «активистской» модели диалога⁴⁵. Активистская модель межрелигиозного диалога нацелена не только на преобразование мира, но и на преобразование самих религиозных традиций. Религия всегда неразрывно связана с социальным и политическим контекстом, грань между «священным» и «светским» не всегда отчетлива, поэтому некоторые религиозные представления и нормы, считает Флетчер, могут быть переосмыслены и изменены. Особым вкладом женщин в межрелигиозный диалог, по мнению сторонников этого подхода, должна стать критика религий, выступающих как «культурные носители, которые (вольно или невольно) оправдывают, поддерживают и увековечивают женоненавистнические практики»⁴⁶.

Особое место в данной сфере занимает сотрудничество религий для утверждения в обществе нравственных ценностей. Примером ценности, которую разделяют разные религии, может являться традиционное понимание семьи как союза мужчины и женщины. Религиозные лидеры неоднократно подчеркивали, что кризис и разрушение традиционного института семьи может пагубным образом сказаться на состоянии всего общества⁴⁷.

Третья область — сотрудничество религий в решении экологических проблем, что включает в себя не только деятельность, направленную на защиту окружающей среды, но и развитие экологической этики и воспитание экологического сознания.

Роль теологии состоит в выявлении возможных направлений и осмыслении концептуальных оснований межрелигиозного сотрудничества, а также в определении того вклада, который может внести религия в той или иной сфере.

Например, тема роли верующих в сохранении живой природы и окружающей среды нашла отражение в одном из разделов документа 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В 2013 г. был принят отдельный документ «Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии»⁴⁸. В этих документах указывается, что все человечество несет ответственность за состояние природы, которая является творением Божиим. В свете Священного Писания экологическая деятельность рассматривается как заповеданное Богом обра-

⁴⁵ Fletcher J. H. Women in inter-religious dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue / ed. by C. Cornille, 2013. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2013. P. 168–184.

⁴⁶ Ibid. P. 173.

⁴⁷ См. напр.: Кирилл, Патриарх Московский и всяя Руси. Подумайте о будущем человечества. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2018. С. 51–52.

⁴⁸ Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775125.html> (дата обращения: 08.08.2019).

щение человека с тварным миром. Люди призваны к творческому участию в бытии творения, его защите и сохранении. В связи с этим священнослужители и миряне призываются к активной деятельности, направленной на защиту окружающей среды.

Необходимость помощи нуждающимся людям в рамках первого направления во многом очевидна для верующих, поэтому может не требовать какого-либо богословского осмысления. Здесь основной акцент делается на конкретной деятельности, а доктринальная составляющая может вовсе не затрагиваться. Вместе с тем и в данной сфере имеет место и представляется желательным богословское обоснование межрелигиозного сотрудничества. Например, в рамках христианско-буддийского партнерского диалога можно говорить о важности установок сострадания, желания блага всем живым существам для буддизма, и о милосердии, об усмотрении в страждущих людях самого Господа Иисуса Христа для христиан⁴⁹.

Сегодня возрастает значение теологии в рамках второй области, предполагающей осмысление проблем современного общества и того позитивного вклада, который в их решение может внести религия. В качестве примера можно привести появившееся в странах Латинской Америки в 1970–1980-х гг. направление «теология освобождения», которое стало не просто популярной богословской концепцией, а мощным социальным движением. По мнению сторонников этого подхода, христиане призваны самим Богом бороться с бедностью, социальной несправедливостью и угнетением, активно участвовать в общественной и политической жизни.

В 2015 г. была принята Глобальная программа ООН в области устойчивого развития до 2030 г. Программа включает в себя семнадцать целей, направленных на борьбу с крайней нищетой, социальной несправедливостью, экологическими угрозами⁵⁰. Цели в области устойчивого развития не являются юридически обязательным стандартом или конкретным планом, а лишь указывают приоритетные направления деятельности. Страны — участники ООН должны взять на себя ответственность и создать свои национальные механизмы, стратегии и программы по достижению этих целей. Религиозные общины обладают колоссальными ресурсами, они оказывают существенное влияние на настроения миллиардов людей по всему земному шару. В этом контексте закономерно, что в последнее время имеет место тенденция привлекать религии к обсуждению возможностей содействия верующих в реализации Целей устойчивого развития⁵¹. Существует специальная структура «Международное партнерство в области роли

⁴⁹ В соответствии с известной евангельской притчей: Мф. 25:31-46.

⁵⁰ Цели в области устойчивого развития. <http://sdg.openshkola.org/> (дата обращения: 08.08.2019).

⁵¹ Например, 8 июля 2019 г. в Информационном центре ООН в Москве состоялся круглый стол «Межконфессиональный диалог и цели в области устойчивого развития», 23 августа 2019 г. — одно из пленарных заседания X Ассамблеи «Религии за мир», которое было посвящено теме «Продвижение общего благосостояния путем содействия целостному развитию человечества и защите Земли». Модератором заседания выступил дирек-

религий в устойчивом развитии»⁵². Характерным примером здесь может служить изданная этой организацией работа «Голоса религий об устойчивом развитии» («Voices from Religions on Sustainable Development») ⁵³. В ней с точки зрения многих религий (христианство, ислам, иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, бахаизм и др.) обосновывается значимость для каждой из них целей, связанных с достижением благосостояния, укреплением мира, заботой об окружающей среде и в целом открытостью к партнерству во имя общего процветания.

Й. Ратцингер однажды отметил, что одним из основных направлений развития современного межрелигиозного диалога оказывается «регноцентризм» (от лат. *regnum* — «царство»), предполагающий, что «больше нет нужды побуждать религии сближаться как в вероучении, так и в нравственном религиозном учении», но необходимо превратить их в инструменты устройства будущего «царства» всеобщего благоденствия. Однако эта «ориентация на царство» не входит в основные задачи религий, поэтому такая установка, по мнению бывшего папы Римского, «делает их бессодержательными, беспредметными»⁵⁴. Действительно, религия в рамках некоторых инициатив, исходящих от государственных или общественных организаций, нередко воспринимается лишь как средство, инструмент для достижения «земных» целей.

Вместе с тем нельзя не признать, что религиозность не ограничивается лишь совершенствованием внутреннего мира личности: многие верующие имеют обостренную «социальную совесть» и стремятся, руководствуясь религиозными убеждениями, к социальному служению и преобразованию окружающего мира. Никто не сможет отрицать, что религии выступают за преодоление бедности, за мир и построение справедливого общества, что верующим небезразлично состояние окружающей среды. Конечно же, верующий человек должен чувствовать ответственность за состояние мира, в котором мы живем. Можно вспомнить в этом контексте фундаментальную работу христианского богослова, сторонника позиции религиозного плюрализма П. Книттера с характерным названием «Одна Земля, много религий. Мультиконфессиональный диалог и глобальная ответственность»⁵⁵.

тор Центра по устойчивому развитию, Специальный советник Генерального секретаря ООН по целям в области устойчивого развития Дж. Сакс.

⁵² International partnership on religious and sustainable development. www.partner-religion-development.org/ (accessed: 08.08.2019).

⁵³ Voices from Religions on Sustainable Development / eds K. Singh, J.S. Clark. Berlin: German Federal Ministry for Economic Development and Cooperation, 2016. http://www.partner-religion-development.org/fileadmin/Dateien/Resourcen/Knowledge_Center/Voices_from_Religions_on_Sustainable_Development_April2017_3rd_edition.pdf (accessed: 08.08.2019).

⁵⁴ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Вера. Истина. Толерантность. Христианство и мировые религии. С. 120.

⁵⁵ Knitter P.F. Earth, many religions. Multifaith dialogue and Global responsibility. New York: Orbis, 1995.

Иначе говоря, цели, связанные со стремлением к благоденствию человечества и с устойчивым развитием, согласуются с религиозными ценностями. Но существенным здесь, думается, является вопрос о приоритетах. Признавая высокие гуманистические идеалы призывов ко всеобщему миру и процветанию, надо помнить, что такие ценности, как, например, материальное благосостояние или даже сама жизнь, являются для религиозного сознания, смотрящего на все *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности), относительными и второстепенными и, следовательно, не могут быть определяющими императивами религиозного поведения. Иисус Христос сказал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). Безусловно, человек должен заботиться о своих земных нуждах, но на первом месте должна быть «забота о душе». В связи с этим, если говорить о сотрудничестве религий, особое место в нем может занимать забота о нравственном состоянии человека, что в большей степени конгениально религиозному сознанию, чем ценности материального благосостояния. Известный буддистский общественный деятель и философ Буддхадаса (1906–1993), например, считал, что квинтэссенцией всех религий является спасение человека от эгоизма и страдания и переход к состоянию «бескорыстия» (*unselfishness*). Верующие разных религий должны осознать эту глубинную суть своих духовных традиций. В этом случае будет возможен подлинный межрелигиозный диалог, строящийся на взаимопонимании и кооперации во имя общего блага. Основным предметом сотрудничества разных религий, по мнению Буддхадасы, должно стать противодействие идеологии материализма и эгоцентризма в различных ее формах — политической, гедонистической, духовной, националистической⁵⁶.

Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл особое внимание уделяет сотрудничеству религий в деле нравственного воспитания личности и противодействия так называемому «секулярному» либеральному стандарту в области межличностных отношений. По мнению патриарха Кирилла, «фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI в. — это противостояние» «либеральной» («секулярно-гуманистической») и «религиозно-традиционалистской» системе ценностей⁵⁷.

Либеральная идея, указывает патриарх Кирилл, начала развиваться в эпоху Просвещения в XVII–XVIII вв. В ее основе лежит принцип свободы, освобождения человеческой личности от всего того, что ее сковывает, а свобода человека в рамках этого мировоззрения понимается как «абсолютная и непререкаемая ценность». В качестве фундаментальной про-

⁵⁶ *Dat L. S. An analytical study of inter-religious understanding: A Buddhist perspective. Patiala: Punjabi university, 2013.*

⁵⁷ *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви: Синодальный информационный отдел Московского Патриархата, 2016. С. 39.*

блемы, отмечает глава Русской православной церкви, «постулировалась несвобода человеческой личности, закабаленной структурами и институтами государства, социальным устройством, общественными предрассудками и условностями»⁵⁸. Люди действительно нередко жили в условиях тирании, стремление к свободе было очень сильным, поэтому «очень многие честные, умные, глубоко религиозные люди поддерживали либеральную идею именно для того, чтобы дать человеку возможность свободного выбора, в том числе религиозного»⁵⁹.

Вместе с тем либеральная идея имеет свои корни в эпохе Возрождения, которая поставила в центр бытия не Бога, а человека. Антропоцентризм Ренессанса, представление о человеке как о «мере всех вещей», по сути, представляет собой возвращение к языческой этике и мирозерцанию. В связи с этим в какой-то момент, указывает патриарх Кирилл, «в философии либерализма произошел опасный надлом... отказ от понятия греха, отказ от этики», что открыло «возможность для человека “законно” грешить»⁶⁰. В христианстве свобода является «величайшей ценностью»: как говорит апостол Павел, «к свободе призваны вы, братья» (Гал. 5, 13). Однако христианство призывает к свободе от греха, потому что «не внешние факторы закабаляют человека — мы сами своими инстинктами, своей похотью делаем себя рабами той или иной модели поведения, и Господь призывает нас освободиться от этой внутренней тирании»⁶¹. Тогда как либерализм, подчеркивает Святейший патриарх, «ставит в основание и центр бытия свободу падшего человека с его грехом, его страстями, с его свободой и правом жить соответственно своим страстям»⁶². Свобода в этом мировоззрении «перестала быть сознательным ответственным выбором, а была определена в услужение человеческой прихоти и эгоизму»⁶³. В этом контексте патриарх Кирилл большое внимание уделял осмыслению концепции прав и свобод человека с христианской точки зрения. Как известно, в 2008 г. был принят отдельный документ, содержащий богословский анализ этой темы: «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В документе говорится, что свободу нельзя путать со вседозволенностью, а концепция прав и свобод человека должна быть дополнена моральными измерениями.

Установки, предполагающие отсутствие объективного критерия добра и зла, по мнению патриарха Кирилла, являются «кодом самоуничтожения» человеческой цивилизации⁶⁴. Это убеждение связано с тем, что,

⁵⁸ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Подумайте о будущем человечества. С. 18.

⁵⁹ Там же. С. 74.

⁶⁰ Там же. С. 74.

⁶¹ Там же. С. 21.

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Там же. С. 43.

⁶⁴ Там же. С. 22.

согласно христианскому учению, человек обладает падшей природой, поэтому лишение его каких-либо ограничений приведет к «раскрепощению страшной, разрушительной энергии человеческой страсти и человеческого инстинкта»⁶⁵. Помраченный первородным грехом, человек неспособен самостоятельно «противостоять натиску искушений и соблазнов»⁶⁶. Данная проблема усугубляется тем, что «жизнь по законам страстей, жизнь на основе инстинкта, — отмечает глава РПЦ, — становится доминирующей темой современного искусства, литературы, СМИ, кинематографа, телевидения, рекламы»⁶⁷.

Патриарх Кирилл считает, что самым острым конфликтом современности является не «столкновение цивилизаций», не антагонизм религиозных и национальных культур, не противостояние Востока и Запада, Севера и Юга, а «столкновение транснационального, радикального, секулярного глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и со всеми локальными цивилизациями»⁶⁸. В связи с этим Святейший патриарх говорит о необходимости сотрудничества разных религий и всех здоровых социальных сил в противодействии распространению секулярного либерального стандарта, который сопряжен с главной угрозой для человеческой цивилизации сегодня — с разрушением общественной морали.

Заключение

Итак, можно констатировать, что место теологии в сфере межрелигиозных отношений разнопланово и многообразно. Рассмотрение этой сложной проблемы требует конкретизации, дифференцированного подхода, т. е. прояснения роли теологии в различных типах межрелигиозного диалога — полемическом, миротворческом, когнитивном и партнерском, а также в их подвидах. Общая тенденция заключается в том, что при сохранении традиционной роли теологии для «защиты» своей веры (полемический диалог) все больше внимания начинает уделяться богословскому осмыслению того возможного позитивного вклада, который могут внести религии в различные сферы жизни общества и человечества в целом (партнерский диалог).

В XX в. межрелигиозный диалог, благодаря активизации деятельности в этой области католиков и протестантов, получил разностороннее богословское осмысление на Западе, а также, в качестве реакции на этот феномен, в ряде других стран, относящихся к исламской, буддийской, индуистской цивилизациям. Вследствие господства атеистической идеологии в СССР в нашей стране теме межрелигиозного диалога уделялось мало внимания. Сегодня, в том числе для православных теологов, представ-

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ Там же. С. 103.

⁶⁷ Там же. С. 23.

⁶⁸ Там же. С. 157.

ляется весьма актуальным развитие исследований по широкому спектру проблем, связанных с межрелигиозным диалогом, которые автор попытался наметить и систематизировать в рамках данной статьи.

Статья поступила в редакцию 28 мая 2019 г.

Статья рекомендована в печать 30 августа 2019 г.

Информация об авторе:

Мельник Сергей Владиславович — канд. филос. наук; melnik.s.vl@yandex.ru

Theology and interreligious dialogue: from controversy to cooperation

S. V. Melnik

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Science,
Nakhimovsky pr., 51/21, Moscow, 117997, Russian Federation
Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate,
ul. Danilovskii val, 22, Moscow, 115191, Russian Federation
Interreligious Council of Russia,
ul. Danilovskii val, 22, Moscow, 115191, Russian Federation

For citation: Melnik S. V. Theology and interreligious dialogue: from controversy to cooperation. *Issues of Theology*, vol. 1, no. 3, pp. 307–333.
<http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302> (In Russian)

The article considers the original classification of four types of interreligious dialogue as follows: 1. Intention (the motivation to come into contact with a representative of another religion); 2. Goal (tasks and goals pursued by the participants in the dialogue); 3. Principles (the starting points, which determine the interaction); 4. Form (participants in the dialogue, meeting form). Among the most important criterion is intention, which identifies the types of polemical, peacemaking, cognitive and partnership dialogue. These types of dialogue are aligned respectively around the following questions: Who is right?, How can we live together peacefully?, Who are you? and What can we do to improve the world?. The place of theology in each type of interreligious dialogue is examined. In the context of religious pluralism, the spread of new religious movements, as well as a tendency towards convergence of religions, theology has not lost its importance as a tool to protect one's faith and provided a reasoned justification of its benefits. In the framework of cognitive dialogue, the significance of theology is analyzed in such areas as theology of religions, the formation of attitudes towards followers of other religions, comparative theology, and spiritual dialogue. One of the main strategies for peacemaking dialogue is to identify the similarities of religious worldviews in dogma and ethics. Three areas of cooperation of religions in partnership dialogue are distinguished: "individual," "society," and "environment." The role of theology is to identify possible paths and comprehend the conceptual grounds for interreligious cooperation. The author comes to the conclusion that the place of theology in the field of interreligious relations is wide and diverse. Consideration of this complex problem requires specification, that is clarification of the role of theology in various types of

interreligious dialogue — polemical, peacemaking, cognitive and partnership, as well as their subspecies.

Keywords: interreligious dialogue, interreligious relations, types, religion, religious factor, theology, exclusiveness, polemics, peacemaking, cooperation, theology of religions, inclusion, comparative theology.

References

- Appleby S. (2000) *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Berger P.L. (1999) “Desecularization of the world: a global overview”, in P.L. Berger (ed.) *The desecularization of the world: resurgent religion and world politics*. Washington: Ethics and Public Policy Center, W.B. Eerdmans Pub. Co., pp. 1–18.
- Bethune P.-F. (2013) “Monastic inter-religious dialogue”, in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., pp. 34–50.
- Bormans M. “Two religions: common doctrinal grounds and points of contact in different social spheres” in *Khristiane i musul'mane: problemy dialoga*, sost. A. V. Zhuravskii. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ., 2000, pp. 533–611. (In Russian).
- Byrne M. (2011) *The Names of God in Judaism, Christianity, and Islam: Basis for Interfaith Dialogue*. London; New York: Continuum.
- Byzantine Writings on Islam* (translated texts and comments), transl. from Greek by Iu. V. Maksimov, E. P. Orekhanova; ed. by Iu. V. Maksimova. Moscow, PSTGU Publ., 2012. (In Russian).
- Clooney F. X. (2013) “Comparative theology and inter-religious dialogue”, in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., pp. 51–63.
- Clooney F. X. (1995) “The emerging field of comparative theology: a bibliographical review (1989–95)”, in *Theological Studies*, vol. 56, iss. 3, pp. 521–550.
- Cornille C. (2008) *The Im-possibility of interreligious dialogue*. New York: The Crossroad Publishing Company.
- Dalmair F. (2013) “The secular age? Reflections on Charles Taylor and Raimon Panikkar”, in *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 77–90. (In Russian)
- Dat L. S. (2013) *An analytical study of inter-religious understanding: A Buddhist perspective*. Patiala, Punjabi University.
- Dispute of Nachmanides* (2008), transl., comment. and afterword by B. Khaskelevicha. Moscow, Knizhniki Publ. (In Russian)
- Fletcher J. H. (2013) “Women in inter-religious dialogue”, in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, John Wiley & Sons Ltd., pp. 168–184.
- Hedges P. (2016) “Comparative Theology and Hermeneutics: A Gadamerian Approach to Inter-religious Interpretation”, in *Religions*, vol. 7, no 7, pp. 1–20.
- Ingram P. O. (2013) “Christian–Buddhist dialogue”, in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, John Wiley & Sons Ltd., pp. 376–393.
- Khromtsova M. Iu. “Trinitarian approach of modern theology and the problem of interreligious dialogue”, in *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2016, vol. 17, iss. 2, pp. 74–86. (In Russian)
- Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi (2016) *Freedom and responsibility: in search of harmony. Human rights and dignity of Person*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. (In Russian)
- Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi. (2018) *Think about the future of humanity*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2018. (In Russian)
- Knitter P. F. (1995) *Earth, many religions. Multifaith dialogue and Global responsibility*. New York, Orbis.

- Knitter P.F. (2013) "Inter-religious dialogue and social action", in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, John Wiley & Sons Ltd., pp. 117–132.
- Madigan D. (2013) "Christian–Muslim dialogue", in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, John Wiley & Sons Ltd., pp. 244–260.
- Mel'nik S.V. (2018) "Classification of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches", in *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 87–118. (In Russian)
- Mel'nik S.V. (2017) *Orthodoxy and Hasidism of HABAD: Personal Model of Interreligious Dialogue*. Moscow, RAN INION Publ. (In Russian)
- Merrigan T., Friday J. (eds) (2017) *The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue*. Oxford U.K., Oxford University Press.
- Moe D. (2001) "From a Trinitarian Theology of Religion to a Trinitarian Theology of Religions: Bridging 'First Theology' and 'Second Theology'", in *The Expository Times*, vol. 130, iss. 7, pp. 1–20.
- Moyaert M. (2013) "Interreligious Dialogue", in D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas (eds.) *Understanding Interreligious Relations*. Oxford, Oxford University Press, pp. 193–217.
- Moyaert M. (2017) "Ricoeur and the wager of interreligious ritual participation", in *International Journal of Philosophy and Theology*, vol. 78, no. 3, pp. 173–199.
- Osipov A.I. (2014) *The Path of reason in search of the truth*. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyr'ia Publ. (In Russian)
- Payne D.P. (2017) "Towards an Orthodox Understanding of Religious Freedom: An Exploration of the Theological Resources for Engaging Religious Pluralism", in *Journal of Church and State*, vol. 59, iss. 4, pp. 608–625.
- Polosin A.-V.S. (2006) *The Gospel through the Eyes of a Muslim. Two Views on the same Story*. Moscow, Umma Publ. (In Russian)
- Polosin A.-V.S. (2004) *Why I became a Muslim. The direct way to God*. Moscow, Priamoi put' Publ. (In Russian)
- Ratzinger J. (Benedictus XVI). (2007) *Faith. Truth. Tolerance. Christianity and world religions*. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ. (In Russian)
- R. Panikkar about the meeting of religions. Compiling and translation by Maksim Demchenko. <http://baznica.info/article/o-vstreche-religii/> (accessed: ...). (In Russian)
- Serafim (Rouz), ieromonakh. (2006) *Orthodoxy and religion of the future*. Moscow, Russkii Palomnik Publ. (In Russian)
- Seredkina E. V. Küng's "World Ethos" and modern Confucianism in the Dialogue of Cultures. <http://anthropology.ru/ru/text/seredkina-ev/mirovoy-etos-g-kyunga-i-sovremennoe-konfucianstvo-v-dialoge-kultur> (accessed: 08.08.2019). (In Russian)
- Shokhin V.K. (1997) "Dialogue of religions: ideology and practice", in *Al'fa i Omega*, no. 1(12), pp. 281–295. (In Russian)
- Singh K., Clark J.S. (eds) (2016) *Voices from Religions on Sustainable Development*. Berlin: German Federal Ministry for Economic Development and Cooperation. http://www.partner-religion-development.org/fileadmin/Dateien/Resources/Knowledge_Center/Voices_from_Religions_on_Sustainable_Development_April2017_3rd_edition.pdf (accessed: 08.08.2019).

Received: May 28, 2019
Accepted: August 30, 2019

Author's information:

Sergey V. Melnik — PhD in Philosophy; melnik.s.vl@yandex.ru